

если не атрофию, собственного мышления. Взамен, люди натурально начинают глупеть, чрезмерно полагаясь на свою технику. Невероятно грустно смотреть, как некоторые персоны не пытаются думать и что-то запоминать, находясь в полной уверенности, что в случае чего им поможет Интернет или искусственный интеллект. Но возникает другой вопрос – а зачем такие люди будут нужны в будущем, если с развитием технологий будут придуманы роботы, которые смогут выполнять практически любую работу, и ценность мыслящей личности может снизиться, а решения за людей будут принимать машины? Тревожно думать о том, что вскоре может возникнуть новый дивный мир, где всю работу будут выполнять заменяемые механизмы, а люди будут существовать в виртуальной реальности, ибо уже сделано огромное количество шагов для эмуляции этой самой реальности.

Список использованных источников

1. Маслов, В. М. Свобода, свободы, виртуальная реальность / В. М. Маслов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 5 (439). – Философские науки. Вып. 56. – С. 50–58.
2. Лукьяненко, А. А. Феноменология свободы в виртуальной реальности / А. А. Лукьяненко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы практики. – 2017. – № 4 (78). – С. 124–130.
3. Варич, В. Н. Виртуальная реальность как среда коммуникации: философский анализ / В. Н. Варич // Вестник Брестского университета. – Серия 1. Философия, политология, социология. – № 1/2023. – С. 5–9.

УДК 86.372.24

ПРИЧИНЫ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЛАСТЕЙ К ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯЩЕННИКАМ ПОЛЕССКОЙ ЕПАРХИИ (1921–1939 гг.)

Н. В. САМОСЮК

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь

Аннотация. В статье выявляются причины доброжелательного отношения польских властей по отношению к отдельным православным священнослужителям. Автор отмечает, что вопреки общей тенденции негативного восприятия всего православного духовенства административными властями, в отдельных личных делах священников присутствуют примеры доброжелательного отношения. Аргументированно доказано, что основанием для поддержки православных священнослужителей представителями различных уровней польской администрации являлось их участие в вооруженной борьбе за расширение границ возрожденного польского государства. Кроме того, в статье сделан вывод о том, что священнослужители нового поколения, получившие богословское образование на богословском факультете, также более конструктивно воспринимались польскими властями.

Ключевые слова: православное духовенство, польские власти, межвоенный период, личные дела.

Annotation. The article identifies the reasons for the benevolent attitude of the Polish authorities towards individual Orthodox clergy. The author notes that contrary to the general trend of negative perception of the entire Orthodox clergy by the administrative authorities, there are examples of benevolent attitude in individual personal files of priests. It is argumentatively proved that the basis for the support of Orthodox clergy by representatives of various levels of the Polish administration was their participation in the armed struggle for the expansion of the borders of the revived Polish state. In addition, the article concludes that the clergy of the new generation, who received theological education at the Faculty of theology, were also more constructively perceived by the Polish authorities.

Key words: Orthodox clergy, Polish authorities, interwar period, personal affairs.

Православная церковь за относительно краткий, однако насыщенный событиями период претерпела существенную трансформацию. Изменениям подверглись все сферы церковной деятельности. Православная церковь, в состав которой входила и Полесская епархия, в 1925 г. изменила свой официальный статус и стала Православной автокефальной церковью в Польше. Административные власти ускоренными темпами стали изменять национально-культурные ориентиры церкви. Коренным образом изменился социокультурный статус православного духовенства в обществе. Инициатором этих преобразований выступали административные власти Польши. В преимущественном большинстве случаев отношение польских властей варьировалось в диапазоне от недоверия и настороженности до крайней враждебности и открытого препятствия душпаستырской деятельности православных священников. В этой связи в статье мы обратимся к личным делам духовенства, в некоторых из них, вопреки общим тенденциям, отчетливо прослеживается благожелательное отношение польских властей.

От православного духовенства административные органы власти добивались лояльности по отношению к польской государственности. Это обусловлено тем, что авторитет священников в приходах был высок, и от их национально-культурной позиции зависело отношение всего православного прихода к польским властям. Следует также отметить, что православное население в Западной Беларуси, в состав которой входила и Полесская епархия, составляло большинство. Духовенство обязано было свою лояльность подтверждать. Важно отметить, что получение гражданства для священников являлось важным для признания их потенциальной благонадежности со стороны административных властей. Как правило, на получение гражданства могли рассчитывать те, кто проживал на территории Западной Беларуси и Западной Украины до Первой мировой войны. Следует отметить, что польские власти были весьма критично настроены по отношению к священнослужителям, бежавшим из Советской России. Не только воеводы, но и старосты имели право выносить запрет тому или иному лицу находиться на подведомственной им территории.

Изменение статуса Православной церкви в Польше: официальный разрыв с Русской православной церковью, получение автокефалии от Константинопольского патриарха, – большая часть православного духовенства не принимала. Об этом свидетельствует тот факт, что поветовые старосты требовали от священников признание автокефалии в письменном виде. Например, в 1925 г.

священник Симеон Бычковский подписал у старосты стандартизированный документ, в соответствии с которым он признавал автокефалию Православной церкви в Польше, а также информировал своих прихожан об этом событии и тем самым действовал на благо польской государственности [1, л. 1–2].

Получение польского гражданства являлось важным для православного духовенства, так как фактически давало возможность исполнять душепастырские обязанности легально. Староста мог принять решение, что нахождение определенного человека, в том числе и православного священника, получившего назначение от епископа в конкретный приход, на подведомственной ему территории является нежелательным. За незаконное нахождение на территории повета священника могли оштрафовать на небольшую сумму (в пределах 10 злотых) и официально выдать предписание незамедлительно покинуть пределы повета. В такой ситуации, как правило, оказывались священники, не получившие польское гражданство. Так, например, в 1932 г. Камень-Каширский староста выдворил за пределы своего повета священника Клементия Буйницкого. В докладной записке на имя воеводы было указано: «...что священник Буйницкий является иностранцем с неустановленной государственной принадлежностью, который без разрешения приехал на территорию повета» [2, л. 2]. В действительности же священник Клементий Буйницкий находился на территории Камень-Каширского повета в соответствии с распоряжением епископа Александра. Подобными действиями административные власти подрывали авторитет церковных властей. Отец Клементий, 1872 г. рождения, духовное образование получил в Житомирской духовной семинарии и в 1908 г. был рукоположен. Церковное руководство высоко оценивало его как иерея, однако на протяжении всего межвоенного периода он так и не получил польское гражданство, тем самым оставаясь на нелегальном положении [2, л. 8].

Священнослужители, получившие образование и воспитание в Российской империи, находились на особом контроле у польских административных властей. Подозрение во враждебных действиях по отношению к польским нелегальным школам в период Российской империи могло служить предметом долгих разбирательств и даже специального расследования. В 1925 г. в отношении Симеона Бегалловича проводилось расследование, основанием к которому стали слухи о том, что он в предшествующий период притеснял поляков. Из показаний свидетельницы, Марии Жабинской, следует, что Симеон Бегаллович, будучи преподавателем Закона Божьего в Кобрине, понял, что в подростково-молодежной среде ведется какая-то непонятная деятельность. В этой связи он пытался узнать более подробно и начал следить за некоторыми подростками, когда понял, что в их среде распространяется нелегальная литература. Действительно Симеон Бегаллович подозревал некоторых подростков и пытался получить дополнительную информацию. В своих показаниях Мария Жабинская приводит три даты: 1892 г., 1905 г. и 1911 г. Показания Марии Жабинской тенденциозны, так как она пытается обвинить православных священников в преследовании польских нелегальных школ, противодействии пробуждению польского национального самосознания. Однако Симеон Бегаллович пытался разобрататься в ситуации и притеснений с его стороны в действительности не было [3, л. 27–28].

К концу 20-х гг. XX в. в Министерстве вероисповеданий и народного просвещения относительно православного духовенства формируется проект по воспитанию нового поколения священнослужителей православной церкви, доброжелательно настроенных по отношению к польской государственности. В этой связи система православного образования существенным образом трансформируется. Вместо духовных семинарий, размещенных в Вильно и Кременце, соответственно тесно связанных с белорусским и украинским национально-церковными движениями, был создан специальный богословский лицей для тех, кто желал получить богословское образование. Лицейсты обязаны были жить в специальном интернате, где получали соответствующее воспитание.

В качестве центра высшего богословского образования для православных церковнослужителей был создан православный богословский факультет при Варшавском университете. Там будущих священнослужителей готовили не только к душепастырской миссии, но и прививали ценности возрожденного польского государства.

Священники нового поколения должны были, с точки зрения административных властей, правильным образом воздействовать на православное население, укрепляя в нем уважение к польским властям [4, с. 122–143]. В этой связи выпускники богословского факультета, как правило, не вызывали у административных властей различных инстанций той подозрительности, которая наблюдалась в личных делах священников, получивших образование в дореволюционных российских семинариях и академиях.

Церковные власти, в свою очередь, выдавали характеристики для поступления в православный лицей, а затем на богословский факультет. Соответственно, каждый епископ был заинтересован в возвращении его выпускника на приход в диаконском, а чаще иерейском сане, который бы смог конструктивно взаимодействовать с польскими административными властями. В свою очередь, более доброжелательное отношение к тому или иному священнику было обусловлено наличием богословского образования и воспитания, полученного в Варшаве. Таким образом, православные приходы обеспечивались священнослужителями, тем самым создавая преемственность в их поколениях. Необходимо отметить, что в межвоенный период богословское образование получали выходцы из разных сословий, в первую очередь, из крестьянства. Тем не менее, ни одно назначение на приход не могло быть осуществлено без одобрения воеводы. Например, 20 ноября 1936 г. епископ Александр обратился к полесскому воеводе, чтобы сообщить, что выпускник православного богословского факультета университета имени Ю. Пилсудского в Варшаве Букато Виталий назначен временным администратором штатного прихода в Червищах Каширского повета, а также был рукоположен в иерейский сан. В этом письме епископ Александр сообщал необходимые подробности относительно личности В. Букато. Он родился 24 мая 1910 г. в местечке Ленин Лунинецкого повета. В 1931 г. закончил духовную семинарию в Вильно. После этого в 1931–1932 гг. проходил обязательную военную службу в пехотных войсках в Ниске над Саном. В 1936 г. закончил православный богословский факультет Варшавского университета. Во время учебы являлся воспитанником государственного интерната для студентов-теологов. Отец Виталий имел польское гражданство и его постоянным

местом жительства являлось местечко Ленин Лунинецкого повета [5, л. 2]. Одновременно с этим поветовый староста собирал всю возможную информацию для воеводы о потенциальном кандидате на пост настоятеля прихода. Характеристика, составленная поветовым старостой, в обязательном порядке включала в себя следующие аспекты: нравственность, национально-политическая идентификация, а также влияние на общество. Кроме того, староста должен был высказать свое мнение на основании всей собранной информации: не вызовет ли назначение на место настоятеля местного прихода опасности для польской государственности? Поветовый староста сообщал, что Виталий Букато идентифицирует себя русским, каких-либо судебных или же административных наказаний не имел. По мнению старосты, его можно однозначно позитивно оценить в нравственном отношении. Во вредной для польской государственности и правительства деятельности никогда замечен не был. Свою лояльность регулярно подтверждал участием в государственных праздниках. В характеристике староста подчеркивал, что отец Виталий к государственным властям всех уровней относится внешне вежливо. Наибольший интерес в характеристике отца Виталия представляет следующее: «порой обращается к административным властям на белорусском (местном) языке» [5, л. 4]. Относительно семьи староста пишет, что младший брат Виталия свою национальность до призыва в армию декларировал как русскую, а после службы в армии стал идентифицировать себя поляком. В общественной деятельности Виталий Букато не задействован. Дружеские отношения поддерживал с лицами российской национальности левой политической ориентации. В соответствии с требованиями об общем выводе в характеристике, староста отмечает, что назначение Виталия Букато на место настоятеля не вызывает никаких опасений.

Из приведенной выше характеристики следует, что Виталий Букато мог занимать должность настоятеля прихода Каширского повета. Однако акцент в характеристике на внешнюю вежливость заставляет усомниться в полном доверии административных властей в лице старосты по отношению к отцу Виталию. Объяснение этому следует из другого документа – личной карточки по учету православного духовенства. При всех положительных характеристиках священник Виталий Букато отказывался использовать польский язык во всех сторонах церковной жизни. В частности, под разными предлогами он избегал проповедования на польском языке, которым владел в совершенстве [5, л. 9]. В 30-е гг. XX в. при помощи административных властей развивалось движение православных поляков. Именно, новое поколение священников, выпускников православного богословского факультета, по мнению польских властей, должно было изменить национально-культурный статус Православной церкви на территории Западной Беларуси.

Основанием для безусловной поддержки со стороны административных властей православного священника являлось его участие в борьбе за польскую государственность. Ян Богдан родился 22 ноября 1899 г. в деревне Богданово Чигиринского повета. В 1918 г. закончил духовную семинарию в Одессе, принимал участие в войне 1918 – 1921 гг. в звании сержанта польской армии. Из личного дела следует, что в 1922 – 1932 гг. Ян Богдан организовал дело по производству бетона в Ивацевичах Коссовского повета. Возглавляя это предприятие, позволил себе злоупотребление служебными обязанностями, присвоил

материалы, которые частично пустил на строительство своего дома, частично раздал своим родственникам. Растрата Яна Богдана была оценена в 4500 злотых, однако дело не было возбуждено, так как он обязался выплатить долги. В том числе его собственный дом в Ивацевичах был продан за долги. После всех происшествий, потеряв дом и все имущество, однако избежав судебного разбирательства, Ян Богдан поступил на службу в епархию, стал псаломщиком в Пинском повете, а уже в 1933 г. был рукоположен в иерейский сан.

В характеристике на Яна Богдана пинский поветовый староста отмечал, что бывший псаломщик в Погосте-Загородском гмины Морочно в достаточной степени владеет польским языком, высказывает лояльность по отношению к Польше и ее правительству, а в обыденном общении пользуется местным диалектом. Кроме того, псаломщик Ян Богдан организовал Лигу противопожарной обороны, которую сам и возглавил [6, л. 5].

Рычагом давления на православных священнослужителей была выплата денежного пособия, которое было предписано министерством вероисповеданий и народного просвещения, однако часто задерживалось административными властями. Если священник должным образом доказывал свою лояльность по отношению к польской государственности, то он, как правило, своевременно получал причитающееся ему пособие. Старосты составляли подробные характеристики на православных священнослужителей. Для большинства священнослужителей процесс подтверждения лояльности был бесконечным, состоявшим из множества процедур. Так, священник должен был получить польское гражданство, признать автокефалию, участвовать во всех государственных праздниках, использовать польский язык во всех сферах деятельности, воспитывать своих прихожан в патриотическом ключе. Даже, если тот или иной священник выполнял все предписания административных властей, его все равно можно было заподозрить в нелояльности. Например, в вину священнослужителю Симеону Андруцкому ставилось то, что он слабо владел польским языком. Незначительный конфликт между ним и церковным старостой административными властями однозначно трактовался не в пользу настоятеля. В этой связи, на основании характеристики пинского старосты, отцу Симеону отказали в выдаче денежного пособия [7, л. 14–15].

Стандартизированная характеристика от сарненского старосты на отца Александра Белецкого от 1924 г. была безукоризненной во всех отношениях. Так, в частности отмечено, что среди своих прихожан он пользуется популярностью и уважением. Политическая, общественная, а также непосредственная душепастырская деятельность оценены старостой превосходно. Также отмечено, что по отношению к государственным властям он лоялен, и однозначно заслуживает доверия [8, л. 9]. 18 декабря 1928 г. отец Александр после некоторых проволочек получил польское гражданство, правда, задержка была обусловлена тем, что он не вовремя подал документы, однако его деятельности это не мешало. Бюрократические препятствия могли для православных священников стать непреодолимым препятствием, которое приводило к ограничению их душепастырской деятельности. В лояльности отца Александра административные власти были полностью уверены [8, л. 14].

В мае 1935 г. лично митрополит Варшавский Дионисий снова обратился к полесскому воеводе с просьбой перевести отца Александра на приход в деревне Шерешово Пружанского повета из прихода в Тынном Сарненского повета.

Таким образом священник Александр Белецкий перешел из Волынской епархии в Полесскую. Подобного в личных делах других священнослужителей не встречается, однако отец Александр являлся исключением из всех правил. В июне 1935 г. гминное правление выдало отцу Александру свидетельство о том, что он является членом правления гмины Немовичи [8, л. 19]. Истинной причиной такого отношения к отцу Александру являлось то, что он являлся ополченцем с 1920 г., служил в партизанском отряде А. Кроликовского. За участие в войне 1918–1921 гг. Александр Белецкий был отмечен медалью [8, л. 27].

Таким образом, можно сделать вывод, что самым важным критерием оценки православного священника польскими властями являлось его участие в борьбе за расширение границ возрожденного польского государства. В целом для этого периода характерно разделение людей на «своих» и «чужих». Православная церковь во главе с церковным руководством, а также всеми приходскими священнослужителями попадала в разряд «чужих». Свидетельства в личном деле об участии в вооруженной борьбе за польскую государственность давали православному священнику всестороннюю поддержку со стороны административных властей. В этом случае польские власти шли на уступки и любую ситуацию, даже, если священник показывал себя не с лучшей стороны, стремились разрешить максимально благожелательно. Коренное изменение системы богословского образования должно было, по мнению администрации, воспитать новое поколение священнослужителей. Соответственно, отношение к выпускникам православного богословского факультета Варшавского университета было более конструктивным, что было обусловлено ожиданиями по поддержке движения православных поляков. Однако выпускники этого факультета, выходцы из Западной Беларуси, не поддерживали это движение и всячески избегали использовать польский язык в церковной жизни. В тоже время большую часть православного духовенства административные власти различных уровней воспринимали критично и даже враждебно. Любое недоразумение, связанное с православным священником, приводило к длительному выяснению обстоятельств со стороны польских властей.

Список использованных источников

1. Личное дело священника Православной церкви Бычковского Симеона // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 172.
2. Личное дело священника Православной церкви Буйницкого Клементия // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 147.
3. Личное дело священника Православной церкви Бегалловича Симеона // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 78.
4. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921 – 1939 гг.) : монография / Н. В. Самосюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2020. – 212 с.
5. Личное дело священника Православной церкви Букато Виталия // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 148.
6. Личное дело священника Православной церкви Богдана Иоанна // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 148.
7. Личное дело священника Православной церкви Андруцкого Симеона // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 147.
8. Личное дело священника Православной церкви Белецкий Александр // Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 85.